

В. Э. Сеземан¹

РЕАЛЬНАЯ УСТАНОВКА
И «ЧИСТОЕ»
(БЕЗУСТАНОВОЧНОЕ)
ЗНАНИЕ

(Из рукописного наследия)²

Примечание-дополнение.

Об интуитивизме — его правде и лжи.

Если заблуждение Риккертовой школы и других заключается в том, что они вторичные моменты познания (логич[еское] оформление и фиксацию его в объективирующей установке) признают за его существо, за главное, то ошибка интуитивизма в том, что он пренебрегает этими вторичными, осложняющими знание моментами. Он прав в том — и здесь его заслуга, — что восстановил истинный смысл познания как познания *бытия*, как познания подлинного предмета и отверг то понимание познания, которое в кантианстве стало господствующим: как преобразования, переработки или построения бытия. По существу знание поэтому может быть *только* интуитивным, непосредственным. Но в самом понятии интуиции кроется опасность: как «видение» интуиция как будто уже предполагает объективирующую установку — противопоставление S и O. Вопрос об установках остается на почве интуитивизма невыясненным. Вообще в интуитивизме — интенция к упрощению проблемы познания. Значения вторичных моментов познания (крайне существенных для его структуры, его внутренней проблематики) остаются невыявленными: интуитивизм как будто

¹ О жизни и творчестве *Василия Эмильевича Сеземана* см.: *Кантовский сборник*. 2010. 4(34). С. 76–79 (послесловие к публикации).

² Окончание, начало см.: *Кантовский сборник*. 2011. 1(35). С. 88–97.

Публикуемый текст является частью рукописи В. Э. Сеземана, которая хранится в библиотеке Вильнюсского университета (VUB RS F 122–71). Она состоит из трех относительно самостоятельных фрагментов: двух отрывков, написанных по-русски (*К проблеме познания* и *Реальная установка и «чистое» (безустановочное) знание*) и нескольких страниц немецкого текста. Рукопись не датирована. Скорее всего, мы имеем дело с рабочими материалами — текстами, которые писались в первую очередь для себя и в таком виде к публикации не планировались. Этим объясняется эскизность некоторых фрагментов, большое количество сокращений, определенные стилистические огрехи. Но, несмотря на эти особенности, данная работа представляется безусловно интересной, а знакомство с ней — полезным. Все постраничные примечания, отмеченные звездочками, принадлежат автору. Пунктуация приведена в соответствие с современными нормами. Этот текст был впервые опубликован В. И. Повилайтисом незначительным тиражом в сборнике: *Русские философы в Литве*. Карсавин, Сеземан, Шилкарский. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2005. С. 42–72.

ничего не знает об *эксцентричности* знания (несовпадении центров бытия и знания) и потому невольно рационализирует и логицирует его природу.

Опасности меоничности знания [существуют] для всех его видов, основанных на самосознании, то есть для всей духовной культуры, поскольку она определяется интеллектуально — знанием. Опасность исходит от тех последствий, к которым ведет объективирующая установка, то есть от порождаемого ею сгущения знания в особую реальную область (среднюю между S и O), заменяющую собою O. Это как бы суррогат подлинного O. Эта феноменальная область, образовавшаяся в результате объективирования знания, обладает своей особой закономерностью, своей особой жизнью, которая и начинает сейчас же развертываться по имманентным ей законам. Конечно, эти законы и категориальные отношения, ею управляющие, в конечном итоге укоренены в бытии и как-то отражают в себе соответствующие бытийственные моменты, но отражают искаженно, измененно, в сокращающей, упрощающей, а не усложняющей проекции. (Это закономерности формально-логич[еские]; грамматич[еские] — специфически познавательно-телеологич[еские] и практичические). Происходит, таким образом, удвоение объективного плана: с одной стороны, первичный план бытия, непосредственной жизни, с другой — план вторичный — рефлексивности, отраженного бытия и жизни. По существу, онтологически второй обусловлен первым и живет тем, что от него получает. Но фактически второй достигает известной самостоятельности и, развиваясь самостоятельно, начинает активно воздействовать и подчинять себе первый. А влияние это может быть в значительной мере разрушительным. В чем оно выражается?

1. В подмене подлинного O мнимым, кажущимся. В силу этого законы и соотношения, определяющие O_1 , признаются имеющими силу для O_1 и определяющими его. Этим искажается истинная сущность O_1 , и он подвергается преобразованию, *переработке* в духе O_2 . К этому сводятся все попытки так или иначе рационализировать* бытие, жизнь. Попытки эти могут быть очень разнообразными, даже противоположными, так как зависят от исходной точки зрения, выделяющей те или другие моменты O_2 как наиболее существенные. (Сами точки зрения со свойственной им относительностью ведут свое начало именно от O_2 и в нем коренятся.) Благодаря этому познание не только [не] достигает бытия, не приближается к нему, а удаляется от него, принимая O_2 за O_1 и тем самым способствуя еще большему *отчуждению* между S и O — а это есть вместе с тем и *самоотчуждение* (примеры?).

2. Но, помимо этой подмены O_1 через O_2 , O_2 самой своей внутренней жизнью оказывает влияние и непосредственное воздействие на O_1 и его жизнь и развитие. Действительно, опредмечивающая и фиксирующая рефлексия не ограничивается тем, что являет собою и дает первичная не-предметная рефлексия: она не освещает, не озаряет только бытие или отдельные его моменты изнутри, тем самым усиливая их внутреннюю напряженность, но по существу не меняя их. Нет, она не только свет, но и *отображение*, она вторгается активно в жизнь O_1 :

* Поскольку строй и природа O_1 отличаются от O_2 , он может быть назван иррациональным, если считать рациональной природу и закономерность O_2 . Но это не значит, что O_1 по существу иррационально. Ибо рациональность O_2 вторична так же, как и сам O_2 , и постольку иррациональность O_1 , отличающая его от O_2 , вторична и не исключает некоторой первичной рациональности.

а) тем, что переводит благодаря своей опредмечивающей силе жизнь O как бы в другое русло и вместе с тем вызывает в ней известную задержку. Перемена направления опредмечивающей тенденции, фокуса зрения, внимания и пр. Это одно уже нарушает нормальную жизнь O_1 . Ср.: о самосознании или рефлексии как контрольной инстанции. Контроль есть вместе с тем всегда и регистрация, то есть опредмечивание, рефлектируемого, контролируемого;

б) установлением этого контроля и регистрации вторичная рефлексия в самом O_1 вызывает известную раздвоенность, то есть тенденцию к подчинению O_2 , к выхождению из себя и переходу в сферу O_2 . Вследствие этого O_2 не только разворачивается параллельно с O_1 , а вклинивается в него, пронизывает его, преобразовывает его, независимо и помимо всякой сознательной волевой интенции. O_1 утрачивает свою целостность, свой самодовлеющий характер. В нем получается известный надлом, «прорыв» в определяющих его границах. Иначе говоря, утрачивается строгое единство установки в O_1 . Утрачивается ее замкнутость в себе, самодостаточность, в ней зарождается тенденция к своему, хотя бы частичному, отрицанию.

Так[им] образом, вторичная рефлексия из *пассивного* наблюдательного контролирующего центра становится также *активным*, видоизменяющим, преобразовывающим, разлагающим. В этом — «отрава» рефлексии, рефлексирующего самосознания. Гибельность ее для тех проявлений и устремлений жизни, которые, по существу, инстинктивны, наивны, требуют всепоглощающей, напряженной внутренней (предметной) сосредоточенности (ср. Ницше о влиянии Сократа на дионисическое творчество). В этом смысле рефлексия сковывает непосредственную жизнь O_1 , привязывает ее к себе, заставляет ее все снова и снова в себе отражаться, опредмечиваться и тем самым осложняться вторичными отраженными моментами.

Все эти свойства и действия присущи именно вторичной рефлексии как отражающей, опредмечивающей. В первичной — как просто освещающей, озаряющей — этого нет. Они кроются в ней, лишь поскольку в ней таится тенденция стать самостоятельной и тем самым перейти во вторичную рефлексию. Но эта тенденция получает преобладающее значение только в европейск[ом] сознании. В сознании других культур она сдержанна, связана и исполняет служебную роль по отношению к господствующей жизненной установке (напр[имер], религиозной).

«Средняя область» O_2 приобретает еще потому такое решающее значение в жизни и познании и заслоняет и заменяет собою O_1 , что она не ограничивается чисто интеллектуальными образованиями (понятиями, представлениями), а захватывает и отражает в себе все стороны и моменты человек[еской] жизни. Наряду с этими последними существуют и *отраженные* хотения, чувствования и т.п. Именно благодаря им средняя область приобщается как бы к живому бытию, становится подобием подлинной живой реальности. Но что же представляют из себя эти отраженные чувства, эмоции, и как они возможны? Чем они отличны от простых объективных представлений, чувств, хотений и пр.? Это приводит к проблеме *эмоцион[ального] понимания*.

Современн[ой] гносеологией и психологией уже достаточно выяснено, что рефлектир[уемые] отраженные чувства, хотения, непр[ерывные] эмоц[иональные] состояния не суть только *представления* (объективные, предметные); они могут быть такими, но в этом случае они бессодержательны, пусты, наличествует только неопределенное «знание о», связанное с образом сло-

во (то есть налицо не осмысливающая интенция даже, а лишь возможность, замещающий ее знак или символ, значение, котор[ое] понимается). Эти чисто интеллектуалистич[еские] представления, будучи сами бессодержательными знаками, заменяют, стало быть, какие-то другие переживания или состояния, которые имеют свое собств[енное] содержание. Каковы же эти последние?

1. Прежняя теория: это повторные переживания (воспоминания о пережитом) или переживания по аналогии (переживания того, что испытывает другой). Но это предельные случаи, в которых уже утрачивается характер именно *отраженности, рефлексивности*. (Тут возможно и реальное заражение чувством, настроением другого, которое переживается как мое.)

Но возможно и настоящее *Einsfühlen* (одночувствие) —

2. Сопереживание реальное (*Einsfühlen, Mitfühlen*), вхождение в положение другого или свое собственное (в другой момент жизни, в прошлом (воспомин[ание]), в будущем (воображ[ение])). Реальное участие в чувстве другого, однако сопровождаемое сознанием своего отличия от другого (тебя).

3. Но это сопереживание не всегда реализуется, иногда остается чисто потенциальным. Тем не менее это потенц[иальное] сопереживание (*Nachfühlen*) ясно отличается от пустого представления — знака — знания «о переживании». В нем есть не только знание — возможность понимания, но настоящее эмоциональное понимание или постижение; но это понимание не есть еще реальное сопереживание, а как бы *предвосхищение* его. Что же это значит? Налицо общая *установка*, при которой только и возможно конкретное реальное сопереживание, готовность к переживанию, но не актуальное его осуществление. Эта *готовность* — нечто более широкое и общее, чем само переживание, ибо в ней заложена возможность разных переживаний (другого человека, другого времени). В потенциальном сопереживании или предвосхищении переживания наличествует еще специфич[еская] интенция именно на данное чувство или переживание (то есть как бы дифференциал этого переживания). *Пассивен* характер этой установки; предвосхищение основано на предрасположении; оно активно лишь как обращение «к», но пассивно как готовность восприятия «от», впечатления «от» (ср. состояние «ожидания»). Подробный разбор — дальше.

Вытекающие отсюда *существенные выводы*.

Подтверждение того, что знание, основанное на самосознании и самопознании, непосредственно укоренено в бытии, а вне него, «со стороны» — в чистом виде — невозможно. Иначе оно превращается в пустой символ — знак, «знание о», которое вторично, производно и весь смысл которого в том, что за ним скрывается иное реальное знание. Это реальное знание есть *сопереживание*, или [оно] вытекает (вырастает) из него; то есть оно возможно на почве некоторого *бытия*. Для чисто объективирующего знания — со стороны — переживание и другого, и свое в воспоминаемом прошлом или воображаемом будущем — перестает быть тем, что оно есть — живым переживанием (чувством, хотением, настроением и т.п.). Но как же при перемене установки, то есть при переходе от внутренней установки к внешней — опредмечивающей, — сохраняется возможность действительно *содержательного*, реального, а не пустого познания?

Промежуточным звеном здесь и является та *ожидающая в предвосхищении, воспринимающая установка*, о которой мы говорили. Она по существу центральна, непериферична — и в этом смысле не убивает, не овеществляет смысла переживания. Но вместе [с тем] она по содержанию своему только *потенциальна*, не заполнена актуальным содержанием, переживанием, не

вовлекает познающий S в реальную жизнь, а лишь готовит к ней, делает его восприимчивым к ней и постольку облегчает переход от центральной установки к опредмечивающей и главное — их непосредственную связь. Здесь нет того «разрыва» между ними, который иногда кажется непреодолимым и ставящим знание в безнадежное положение. — Самый переход возможен потому, что знание по существу своему (абсолютному) безустановочно, небытийно и наличествует во внешней и в центральной внутренней установке (в первичн[ой] рефлексии).

По существу, конечно, это предвосхищение, это потенциальное переживание в рефлексии есть нечто не *полное*, требующее своего заполнения, реализации в реальном живом переживании, оно поэтому и не вполне адекватно. В реальном переживании может оказаться [то], что в потенциальном осталось нераскрытым, невидным, *непонятым*. В этом смысле оно вторично и укоренено в реальном переживании. Но замечательно то, что оно есть «предвосхищение» и вовсе не основано всегда на прежнем опыте, то есть на односущных реальных переживаниях. Оно может предвосхищать понимание ранее непережитого и, быть может, реально вообще никогда не могущего быть вполне пережитым. В этом смысле в каждом индивиде — S — возможностей *больше*, чем *реальности* (способности перевоплощения). В конечном есть [неразб.] в потенции бесконечное. — В этом онтологич[еское] бытийное оправдание бесконечности абсолютности знания индивида — S (конечного субъекта). S конечный в этом смысле — шире себя самого; он в познании постоянно выходит за [пределы] себя самого, за пределы своего конечного реального существа, но в этом познании есть и возможность реального инобытия. Ибо «предвосхищение» — не есть отсутствие переживан[ия], а нек[ое] переживание особого порядка, правда умаленного, бы[тия].

«Пассивность» как условие познания. Ее значение и пределы. Пассивная сторона установки. Разные слои в личности; более центральные и более периферические. «Полуреальности», разные степени и ступени реальности; предвосхищения относятся к этой сфере *полуреального*; объективн[ые] понятия — к не-реальному. Громадная роль этих «*предвосхищений*» центр[альных] установок и имманентных им переживаний в познании. Вне их и помимо них невозможно никакое искание, исследование, поступательное познание. — Парадокс познания и искания. Ищется то, чего мы не знаем. Но в самом искании есть направленность, а в этой направленности — момент познания; правда, познание «пустое», отрицательное. Намечено лишь место (толо^с), которое оно должно занять, заполнить. (Это относится к познанию вообще, и в частности к познанию с центральными установками.) Прогресс познания и философии особенно [выразился] в том, что за XIX в. поняли, учили, осознали необходимость этого так наз[ываемого] эмоц[ионального] понимания, основанного на потенциальн[ости] внутр[енней] установки; знания, которое из области не-реального (просто понятия) переходит в сферу *полу-реального*. В этом — усиление его онтологичности, бытийности. *Историзм* XIX в. в значительной степени на этом основывается. Громадное расширение и углубление знания. Возможность понимания того, что раньше было недоступно («души культуры»). «Перевплощение» как условие историч[еского] понимания. Отсюда сближение истории и историч[еских] наук с искусством. Частичное оправдание античной историографии: ее художественных тенденций. Открывается возможность оживания старых умерших культур, продолжение их жизни в нашей. Внутреннее обогащение нашей

культуры. В философии — сближение жизни и знания («живое знание») — требование особых установок, особой восприимчивости, особого опыта. В этом — известное преодоление формального логизма и рационализма в знании. И вместе с тем как бы конкретизация филос[офского] знания и научного з[нания]. Но одновременно в этом кроются и серьезные опасности и соблазны для всей духовной культуры.

Интеллектуальная сфера жизни приобретает тем самым обличье подлинно реальной самостоятельной сферы, и притом гораздо более широкой и многообразной, чем подлинно-реальная жизнь личности как таковой (самоизживающей себя). Только благодаря такому приобщению к полуреальному интелектуальная сфера может оторваться от жизненного центра личности, стать самостоятельным центром и как бы поглотить в себе подлинную жизнь, заслонить ее, лишить ее воздуха и света и довести ее до полного захирения. (Отсюда кажущаяся жизненность чисто интеллектуальных людей, их полуреальность.)

Соблазнительность этой жизни в сфере *полуреального* (мира «воображаемого», как обычно называют, но не совсем точно):

а) расширение личности. Преодоление ее конечности, ограниченности. Душевный авантюризм — желание всем быть, все узнать, все испытать здесь удовлетворяется. В известной мере. — Отсюда известное бесстыдство интеллектуального; нецеломудрие — оно именно основано на ослаблении напряженности чувства или сознания бытийности, реальности — обнюхивание и смакование всего. Интеллектуальная гастрономия и гурманство. — Все это типично европейские явления. Жизнь — отраженным (рефлектированным) светом. (На востоке не-реальность жизни иная (какая?));

б) соблазнительность жизни в этой интеллектуальной полуреальной сфере еще в том, что она движется по линии наименьшего сопротивления. Полуреальность — разреженное бытие (одно из проявлений меоничности познания). Жизнь здесь требует меньшего напряжения (для людей с развитой интеллектуальностью), в этом разреженном воздухе легко двигаться и дышать, а вместе остается иллюзия «полноты» и необъятной «широты жизни».

Таким образом, получается два вида самоотчуждения в результате самопознания (рефлексивности):

1) самоотчуждение как результат перехода к объективирующей установке. Благодаря этому неизбежно все внутреннее, то есть постигаемое в одной из центральных установок, становится предметом и подчиняется закону *предметности*. В этом — искажение познаваемых явлений, а искажение это и ведет к их отчуждению, то есть к самоотчуждению;

2) *перенос жизненного центра* из сферы подлинно реальной в полуреальную, благодаря чему подлинно реальное отмирает, хиреет, заглушается и заменяется некоторым суррогатом, то есть чем-то вторичным, неподлинным, произвольным, отраженным.

Но вместе с тем только через меонический разум как *путь*, объективирующ[ий] установку и относительное самоотчуждение, возможно развитие, расширение духовной жизни личности самоопределяющейся.

1. *Только отрыв* от центральных установок и переход к внешней обеспечивает возможность осознания ограниченности этих установок и установление, определение их сравнительной ценности и значения, их взаимоотношений и иерархического порядка. Устраняется анархия установок; случайность преобладания то одной, то другой. Этим открывается путь для

центрирования и усиления напряженности духовной жизни, не покупаемого ценою ограничения, ослабления разума, диапазона духовной жизни.

2. Этим обеспечивается внутренняя свобода. Воля — в отличие от стремлений, влечений, страстей. Борьба здесь не происходит в одном плане, а переносится в другой, высший. Момент задержки. Этим объясняется парение, стояние воли над инстинктами, страстями. Ее исключительное положение по отношению к ним. Проблема свободы воли может быть решена и правильно сформулирована, только если исходит из этой двушлановости в отношении воли к инстинктивной и аффективной жизни человека. «Суверенность» воли. Сила ее именно опирается на то, что она может объективировать страсти, стремления, влечения и распорядиться ими как объектами, пользуясь их психическим механизмом. Ср. аскетов, греч[еских] философов: тело, чувственное — это не-Я; это мое *орудие*, не больше.

3. Она обеспечивает возможность единства направления, целеустремления духовной жизни (плановности ее, органич[еского] ее роста, углубления, расширения). — Осуществляется эта возможность через свободную, выбирающую волю (направляющую, тормозящую и поощряющую). Здесь имеет свое основание и получает свое оправдание понятие нравств[енной] максимы, долженствование, общее. Собственно, в непосредств[енной], конкретн[ой] духовн[ой] жизни должное-недолжное всегда может быть только относящимся к данному случаю, оно ощущается непосредственно как таковое (должное или недолжное). Непосредственное познание (эмоциональное) ценного и неценного. Когда должное-недолжное становится общей максимой — нормой, — то оно отрывается уже от непосредств[енной] жизни (реального течения духовного бытия) и становится независимым от отдельного случая судьей и критерием реального (практического). Вопрос о должном и недолжном решается уже не непосредственным постижением его (эмоц[иональным] пониманием), а чисто интеллект[уальным] подведением частн[ых] случаев под общие нормы. Оценка переносится на сами эти максимы, законы, нормы. Уважение к закону. В нем может почитаться известн[ая] сущность нравственного (справедливости, целомудрия и проч.), но эта сущность может раскрыться только через подлинное понимание и отдельн[ых] случаев. В чист[о] же формальном долженствовании эмоц[ионально], внутренне познается вторичное должное как таковое — в отличие от реального, но не непосредственн[ая] реальная единичность (и даже не общ[ая] сущность той или друг[ой] нравств[енной] ценности). Таким образом, подлинная нравств[енная] ценность заменяется некоторым суррогатом (чем-то, что реально не изживается как нравств[енная] ценность) — вследствие чего и появляется возможность нравств[енной] отвлеченности, нежизненности, ригоризма и пр., и пр. (сравни: Кант, Шелер, Гильдебрандт).

Но, с другой стороны, это восхождение нравств[енного] сознания к максимам, к [неразб.] неизбежно. Полная эмоц[ионально] изжитая оценка конкретной ситуации, отдельных явлений и пр[очего] невозможна. Ибо сама жизнь протекает в значительной мере в сфере полуреального (вследствие реальной и интеллектуаль[ной] ограниченности человека). — В этой области [неразб.] и могут быть применимы общие категории и максимы. Весь вопрос в том, получают ли они решающее значение, или же высшей инстанцией остается непосредств[енное] нравств[енное] [неразб.].